

Богословско-историческая коллекция
Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России

Хабибуллин М.Э.

**МИССИОНЕРСКИЕ ОТДЕЛЕНИЯ
КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
В 1884-1920 гг.**

Православный собеседник, 2008,
вып. 1 (16), с. 227-236

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Казанская духовная семинария
www.kazds.ru

Москва, 2014

Миссионерские отделения

Казанской духовной академии в 1884-1920 гг.¹

М.З. Хабибуллин

Изменения в миссионерском образовании, связанные с принятием Устава духовных академий 1884 г.

В 1884 г. происходят кардинальные изменения, связанные с преподаванием миссионерских предметов в Казанской духовной академии. 15 августа 1884 г. в Казанской духовной академии был введен новый устав духовных академий, разработанный при участии нового обер-прокурора Св. Синода К.П.Победоносцева. Являясь ближайшим сотрудником императора Александра III, он проявлял заботу о миссионерских нуждах Православной Церкви и своими мероприятиями фактически возвратил Казанской духовной академии ее прежнее миссионерское значение, потерянное ею при введении устава духовных академий 1869 г.

Устав 1884 г. в большей степени учел желание и просьбы преподавателей миссионерских отделений Казанской духовной академии, которые постоянно заботились об улучшении качества образования на единственных в дореволюционной России миссионерских отделениях. Так, при составлении нового устава его разработчики учитывали пожелания преподавателей отделений, которые те представили в Совет Казанской духовной академии 15 июня 1884 г. Предложения преподавателей были направлены на более целенаправленное осуществление миссионерского образования. По их мнению, качеству обучения должны были способствовать следующие мероприятия: «1) Распределение миссионерских предметов между преподавателями; 2) Примерное расписание преподавания миссионерских предметов по курсам, с показанием числа лекций и уроков и 3) Применение примерного расписания по татарскому отделу на 1884-1885 и 1885-1886 учебные годы»². Особое внимание преподаватели миссионерских отделений обращали на изучение языков нерусских народов России, т.к. именно эти предметы, на их взгляд, «составляли основу для миссионерских занятий»³. Важное значение преподавателями академии придавалось и преподаванию дисциплин об исламе, буддизме и других смежных предметов, в числе которых, например, было «обличение мухаммеданства»⁴.

Исходя из вышесказанного, следует, что преподаватели миссионерских предметов стремились внести существенные изменения в процесс обучения и подготовки новых миссионерских кадров в академии. На наш взгляд, это были продуктивные мероприятия, поскольку предложения преподавателей учитывали особенности и специфику миссионерского образования. В обращении к руководству академии преподаватели требовали обратить внимание на составление расписаний и постановку миссионерских курсов с учетом интересов каждого преподавателя, студентов, эффективности процесса обучения. Так, каждому преподавателю рекомендовалось вести определенный предмет. На наш взгляд, преподаватели из своего опыта учли все трудности, с которыми было связано преподавание миссионерских предметов в связи с принятием устава 1869 г., требовавшее от них постоянного составления лекций по нескольким учебным дисциплинам одновременно. Обращая внимание на необходимость расписания, преподаватели миссионерских предметов имели в виду введение стабильности в преподавании предметов, особенно татарского языка. Итак, все предложения и замечания касались открытия специального миссионерского отделения, упраздненного уставом 1869 г. Руководство Казанской духовной академии приняло все к сведению. Об этом было сообщено в Св. Синод.

В связи с принятием нового устава духовных академий в 1884 г., в Казанской духовной академии были проведены структурные изменения, которые ликвидировали существовавшие с 1870 г. богословское, церковно-историческое и церковно-практическое отделения. Предметы академического курса были разделены на две группы: словесную и историческую. Кроме перечисленных изменений, устав ввел для Казанской духовной академии еще третью, совершенно новую группу – миссионерскую, которая распадалась, в свою очередь, на два отдела: татарский и монгольский. Введение миссионерской группы стало большим достижением Казанской духовной академии и придало ей отличительную особенность по сравнению с другими подобными образовательными учреждениями России. Таким образом, государство признало важность и необходимость специального миссионерского образования для Поволжья и Приуралья, утраченного в 1869 г. при упразднении в Казанской духовной академии миссионерских отделений. Таким образом, предложения преподавателей миссионерских отделений по улучшению преподавания миссионерских предметов были учтены и руководством академии, и Св. Синодом при принятии нового устава духовных академий.

Устав 1884 г. предписывал преподавать на татарском отделении следующие предметы: 1) история и обличение магометанства; 2) этнография татар,

киргизов, башкир, чувашей, черемисов, вотяков и мордвы; 3) история распространения христианства между означенными инородческими племенами; 4) арабский и татарский языки с общим филологическим обзором языков и наречий означенных племен. На монгольском отделении: 1) история и обличение ламайства; 2) этнография монголов, бурят, калмыков, остяков, самоедов, якутов, чукчей, тунгусов, манджур, корейцев, гольдов, гиляков, коряков и других; 3) история распространения христианства между означенными племенами; 4) монгольский язык с его наречиями, бурятским и калмыцким, и общий филологический обзор языков и наречий других вышепоименованных племен⁵.

Но необходимо заметить, что с введением устава 1884 г. ситуация относительно миссионерских отделений Казанской духовной академии существенно к лучшему не изменилась. Получавшие образование на миссионерском отделении, также как и прежде, часто не знали, для чего они это делают, поскольку чаще всего распределение выпускники миссионерского отделения получали не в приходы с нерусским населением. И среди руководства академии продолжала оставаться непонимания необходимости миссионерского отделения. В этих условиях уменьшалось и число желающих поступать на миссионерское отделение, к тому же на это влияла перспектива неустроенности будущих миссионеров по профессиональной подготовке. Студенты завлекались на отделение не только казенными стипендиями, но и самой возможностью поступить в академию. Существовала даже такая практика: студенты, получившие при приемных испытаниях несколько неудовлетворительных баллов, все же принимались в ее состав, но при условии поступления на миссионерское отделение⁶.

С 1884 г. по татарскому отделу кафедру татарского языка и этнографии занял экстраординарный профессор академии Е.А. Малов, оставивший занимаемую им прежде кафедру еврейского языка и библейской археологии⁷. Он преподавал татарский язык, этнографию татарских племен и историю распространения среди них христианства. 29 января 1886 г. Малов был возведен в звание и.д. ординарного профессора, а с марта 1889 г. удостоен звания заслуженного профессора. Кафедру арабского языка и обличения мухаммеданства занял и.д. доцента академии Михаил Александрович Машанов, прежде состоявший приват-доцентом по кафедре миссионерских противомусульманских предметов⁸. Машанов с 1884 г. преподавал арабский язык и «обличение мухаммеданства»⁹. Штатным практикантом татарского языка продолжал оставаться кряшенский священник В.Т. Тимофеев. После его смерти в декабре 1895 г. эту должность занял его ученик и продолжатель дела просвещения старокрещенных татар –

священник Тимофей Егорович Егоров. Он же занял место Тимофеева и в заведовании Казанской центральной крещено-татарской школой. Сверхштатным практикантом арабского языка, по особому указу Св. Синода от 6 февраля 1891 г., был назначен с марта 1891 г. природный татарин-мусульманин Сахиб-Гирей Ахмеров, принявший крещение с именем Павла¹⁰. К этой же кафедре был временно прикомандирован в 1893 г. архимандрит араб Рафаил (в 1895 г. оставил академию, уехал в Америку, где стал епископом Бруклинским). После смерти Ахмерова сверхштатным практикантом арабского языка с 12 августа 1896 г. (с 1900 г. – единственным) стал природный сириец, окончивший в том году Казанскую духовную академию, впоследствии – магистр богословия, Пантелеймон Крестовникович Жузе. Он также стал преподавателем двухгодичных миссионерских курсов при Казанской академии, а с мая 1916 г. – приват-доцентом Казанского университета по новоучрежденной кафедре мусульманского права¹¹.

Новый устав открыл возможности для более серьезного изучения арабского языка, дисциплин об исламе, повышения уровня подготовки самих преподавателей. В 1885 г. этим воспользовался М.А. Машанов, который и обращается в Совет Казанской духовной академии с предложением о необходимости для преподавателя противомусульманских предметов заграничной поездки на мусульманский Восток: «Почти с самого открытия Казанской духовной академии при ней существует миссионерское противомусульманское отделение для преподавания предметов, имеющих полемическое против мухаммеданства значение, вследствие ощутительной потребности в лицах, знающих языки арабский и татарский и учение ислама и его обличением, ввиду многих миллионов мухаммедан, подданных российской империи. Миссионерское противомусульманское отделение существовало с некоторыми видоизменениями своего состава до настоящего учебного года. Новый академический Устав поставил это отделение на более широких началах, сделав при нем группу, соответствующую двум другим группам, и поставил в нем двух преподавателей и одного практиканта, ввиду того, что Казанская академия, как замечается в объяснительной к Уставу записке, учреждена отчасти с миссионерскими целями, как академия более близкая к местностям, населенным инородцами. Миссионерское отделение, как специальное противомухаммеданское полемическое учреждение, составляет единственное отделение не только в России, но и вообще в христианских странах». Указав на серьезную необходимость миссионерского противомусульманского отделения, Машанов не забыл остановиться на проблемах отделения, на недостатке внимания со стороны правления академии, на нехватку специальных кадров и литературы: «При таком своем исключительном положении преподавателям миссионерского отделения

приходится самим не только первично, так сказать, вырабатывать методы полемики с исламом, но и создавать самую науку полемики с этой ложной религией, потому что, за исключением двух-трех сочинений, почти средневековых, иностранная литература не представляет ничего в этом роде; русской же литературы, за исключением «Миссионерского противомусульманского сборника», издаваемого при Казанской академии комиссией, состоящей из преподавателей миссионерских предметов, – за исключением этого сборника, безусловно, ничего нет». Подчеркнув трудность изучения мусульманских богословских систем и арабского языка, Машанов указал на необходимость их изучения под руководством самих арабов: «Между тем мухаммеданская богословская литература имеет систему... чрезвычайно оригинальную, не имеющую почти ничего общего с системами христианского богословия, вследствие этого требующую огромных трудов от желающего без непосредственного руководства со стороны мухаммеданских ученых изучить эти системы мусульманского богословия, труд колоссальный, знакомство же с этими системами при участии самих мусульманских ученых богословов весьма облегчило бы труды изучающего и дало бы возможность изучить эту науку во всех ее характерных чертах и особенностях»¹². М.А. Машанов считает, что «мухаммеданская богословская наука на языках тюркских не получила почти никакого движения, – все сочинения по этой части на турецко-татарском языке составляют или буквальный перевод с арабского языка, или перевод с небольшими изменениями богословских сочинений арабских ученых. Таким образом, для полного изучения ислама с целью полемики, безусловно, необходимо как самое основательное знание арабского языка, так и богословской мухаммеданской литературы на этом именно языке»¹³. Но «ни того, ни другого нельзя достигнуть в сколько-нибудь соответствующей мере в России вообще и в Казани в частности. Для изучения арабского языка, без преувеличения говоря, самого трудного из всех языков, не достает в Казани способов за полным отсутствием не только образованных арабов, но и арабов вообще». Еще менее «возможно здесь изучение мухаммеданской богословской литературы на этом языке, так как даже доньше большинство капитальных сочинений по этой части ходит в рукописях в разных богословских школах на Востоке, притом и существующие немногие печатные издания по этому предмету почти вовсе недоступны или неизвестны у нас»¹⁴. Мало того, и «известные сочинения по этому предмету при своей крайне оригинальной систематизации и характерных доводах представляют нередко камень преткновения даже для отличных знатоков арабского языка, незнакомых с богословской арабской мухаммеданской литературой. Все это весьма естественно приводит к признанию крайней необходимости изучения как арабского языка во всем его объеме, так и изучения мухаммеданской богословской литературы на арабском языке у

природных арабов, – знатоков этого предмета»¹⁵. В 1885 г. Машанов уезжает на мусульманский Восток (Египет, Саудовская Аравия, Сирия).

После возвращения в 1887 г. он продолжает свою работу в Казанской духовной академии. Из командировки Машанов вернулся одним из лучших специалистов в области арабского языка и мусульманской догматики не только в Казанской духовной академии, но и в Казани. Всей своей деятельностью он стремился повысить популярность миссионерского противомусульманского отделения. Так, в 1890 г. Машанов и другие профессора обратились в Совет Казанской духовной академии. Отмечая важность миссионерского дела в процессе образования, они указывали на то, «что успехов на этом поприще у отделения почти нет», что «ему уделялось мало внимания, как со стороны властей, так и со стороны поступающих. Были годы, когда поступало всего 2 человека на миссионерское отделение, по одному на отделение»¹⁶. Они выделили следующие причины их непопулярности:

- 1) Недостаток научной любознательности в отношении к востоковедению.
- 2) Предубеждение против необходимости научно образованных миссионеров.
- 3) Трудность изучения предметов миссионерского отделения.
- 4) Недостаток практического приложения получаемых сведений.

«Все указанные причины, – указывали они, – могут быть устранены при более организованной постановке миссионерского образования в инородческих епархиях и при установлении благопотребных мер к практическому приложению миссионерских знаний... Учебный комитет указывает на необходимость поставить в ближайшие отношения и связь епархии, нуждающиеся в лицах с миссионерским образованием, и миссионерские отделения в академии. Эта связь с одной стороны послужила бы важным средством для возбуждения миссионерского дела в инородческих епархиях, а с другой – оживила бы самое миссионерское отделение при академии, указав практическое приложение занятий студентов и придав преподаванию миссионерских наук направление, сообразное с действительными потребностями миссий и инородческих приходов»¹⁷.

Указанные преподавателями предложения и замечания не остались только на бумаге. Теория без практики была неэффективна. Это осознавало и руководство Казанской духовной академии. Оно обратилось в Св. Синод с

предложением усилить практическую часть учебных занятий в академии. Вскоре были приняты конкретные меры в этом направлении.

Кроме того, при поддержке преподавателей миссионерских кафедр в 1889 г. при академии были учреждены Казанские миссионерские двухгодичные курсы. А указом Св. Синода от 17 мая 1889 г. разрешалось посещать миссионерские уроки всем желающим миссионерам и священникам нерусских приходов¹⁸.

В 1893 г. М.А. Машанову и Е.А. Малову обер-прокурором Св. Синода К.П.Победоносцевым было поручено подготовить проект миссионерского приюта: «Миссионерский приют, существовавший с 1875 г... прекратил с начала 1893 г. свою деятельность... Поэтому, не признаете ли вы возможным предложить Совету Казанской духовной академии войти в обсуждение способов к устройству при открывшихся двухгодичных миссионерских курсах собеседований с магометанами, ...чтобы и усилить в них инородческий элемент, а равно и приблизить их, путем собеседований с иноверцами среди инородцев, к их главной цели»¹⁹.

Устав 1884 г. стал толчком для развития и бывшего противобуддистского отделения, также упраздненного и почти забытого после принятия устава 1869 г. Образованный в 1884 г. монгольский отдел был представлен менее значительными в научном отношении деятелями. Кафедру истории и обличения ламайства и монгольского языка с бурятским наречием с 1884 г. по сентябрь 1891 г. занимал, по поручению академического Совета, экстраординарный профессор по кафедре русской гражданской истории Василий Васильевич Миротворцев. В 1884-1891 гг. он совмещает преподавание русской гражданской истории и монгольского языка с обличением ламайства. Кафедру калмыцкого наречия, общего филологического обзора и наречий монгольского отдела, этнографии племен этого отдела и истории распространения христианства между ними с сентября 1886 г. занял в звании и.д. доцента М.С. Нефедьев. Однако через два года, в нарушение требования академического устава, Нефедьевым не была предоставлена магистерская диссертация, он занимал кафедру с особого разрешения Св. Синода по ходатайству Совета академии (в 1888-1891 гг.), а после смерти Миротворцева в 1891 г. временно преподавал и по первой кафедре монгольского отдела, совмещая, таким образом, преподавание сразу на двух кафедрах²⁰.

Однако в августе 1893 г. кафедры монгольского отдела были замещены новыми, более способными к науке лицами. На кафедру истории и обличения ламайства и монгольского языка был определен выпускник Казанской духовной академии 1889 г. священник Иван Васильевич Попов²¹,

защитивший 29 ноября 1898 г. магистерскую диссертацию по теме: «Ламаизм в Тибете, его история, учение и учреждение»²². Среди других опубликованных работ интерес представляет очерк «Мифология буддизма в Тибете и Монголии» (1910). Священник Иоанн Попов был по собственному прошению уволен из академии в августе 1909 г.

На кафедру калмыцкого языка в августе 1893 г. (одновременно со священником И.Поповым) был определен выпускник Казанской академии 1892 г. Илья Иванович Ястребов, 18 октября 1898 г. защитивший магистерскую диссертацию под названием «Миссионер Высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свияжский»²³, а в 1902 г. принявший монашество с именем Иннокентий²⁴. В 1906 г. Ястребов уезжает в Киев. Его место занимает иеромонах Гурий (Степанов), который в январе 1909 г. был утвержден в степени магистра богословия за сочинение «Буддизм и христианство в их учении о спасении». С августа 1909 г., после ухода на пенсию и.д. экстраординарного профессора священника И.Попова, архимандрит Гурий временно совмещал преподавание по своей кафедре и кафедре монгольского языка.

Устав духовных академий 1910 г. и миссионерские кафедры

В апреле 1910 г. был принят один из самых суровых уставов духовных академий. Под его негативное влияние попадали многие известные профессора, в числе которых были и преподаватели миссионерского отделения. Примечание к параграфу 65 было явно направлено на постепенное вытеснение из российских академий светской профессуры и создание почвы для формирования института ученого монашества. На практике проведение в жизнь подобного положения привело к вынужденному уходу из академии многих выдающихся профессоров. «Это было, – пишет А.В. Журавский, – похоже на разгром академической науки. Впрочем, некоторые из профессоров (Курганов, Машанов, Богословский, протоиерей Виноградов), движимые любовью к своей alma mater, оставались еще некоторое время в академии для бесплатного чтения своих лекционных курсов и воспитания себе преемников из числа наиболее способных к научным занятиям студентов, что создавало в академии педагогическую и церковно-научную преемственность»²⁵.

Выполняя предписание нового устава 1910 г., Машанов обращается в Совет Казанской духовной академии с предложением оставить вместо себя на миссионерском противомусульманском отделении академии М.Г. Иванова.

В ноябре 1910 г. Е.А. Малов, в связи с требованиями устава 1910 г., написал заявление об уходе с «кафедры татарского языка, этнографии татар,

киргизов, башкир, чуваш, черемис, вотяков и мордвы и истории распространения христианства между означенными племенами». В академии освободилась штатная преподавательская должность на кафедре миссионерских предметов. С аналогичным заявлением обратился в Совет Казанской духовной академии и М.А. Машанов. С его уходом освобождалось место на кафедре «истории и обличения магометанства и арабского языка».

В июле 1911 г. были приняты «Изменения в действующем уставе духовных академий», которые предписывали новые правила для деятельности духовных академий. Науки, изучаемые всеми студентами, были распределены по 17 кафедрам. Кроме того, в Казанской духовной академии вводилась группа миссионерских предметов, подразделяющихся на два отдела: 1) татарский и 2) монгольский.

К татарскому отделу были отнесены следующие предметы: «А) История и обличение магометанства. Б) Этнография татар, киргизов, башкир, чуваш, черемис, вотяков и мордвы. В) История распространения христианства между означенными инородческими племенами. Г) Арабский и татарский языки, с общим филологическим обзором языков и наречий означенных племен»²⁶.

К монгольскому отделу были отнесены: «А) История и обличение ламайства. Б) Этнография монголов, бурят, калмыков, остяков, самоедов, якутов, чукчей, тунгузов, манджур, корейцев, гольдов, гиляков, коряков и других. В) История распространения христианства между означенными инородческими племенами. Г) Монгольский язык и его наречия бурятское и калмыцкое. Д) Тибетский язык». В каждом отделе должно было числиться по три преподавателя, каждый с шестью лекциями в неделю.

Этот Устав также предписывал студентам татарского и монгольского отделов писать два сочинения по миссионерским предметам и одно – по общеобразовательным богословским и курсовое сочинение на тему, назначаемую преподавателем этих отделов.

С августа 1911 г. кафедру арабского языка, истории и обличения мухаммеданства занял выпускник академии 1910 г., епархиальный противомусульманский миссионер Михаил Григорьевич Иванов (с 1915 г. – магистр богословия, с марта 1916 г. – экстраординарный профессор)²⁷. Магистерскую степень М.Г. Иванов получил за сочинение «О почитании святых в исламе с точки зрения православного богослова. Богословско-полемическое исследование». Он также опубликовал ряд статей в академическом журнале, среди которых «О характере религиозной обрядности в христианстве и в исламе» (1912), «К вопросу о почитании

святых в исламе» (1915) и др. Кафедру татарского языка и этнографии занял выдающийся ученый, преподаватель Казанского императорского университета Николай Федорович Катанов, занимавший ее до самого закрытия академии. Штатным практикантом татарского языка до 1918 г. продолжал оставаться кряшенский священник Т.Е.Егоров.

На монгольском отделе на кафедру монгольского языка, истории и обличения ламайства 5 февраля 1910 г. был назначен иеромонах Амфилохий (Скворцов)²⁸, который в 1910 г. окончил академию и был оставлен на год в качестве профессорского стипендиата, а с 16 августа стал и.д. доцента академии по кафедре монгольского языка, истории и обличения ламайства²⁹. Иеромонах Амфилохий состоял на этой кафедре до сентября 1918 г., когда вместе с белочехами и Народной армией покинул Казань и, следовательно академическую службу, из-за опасений репрессий со стороны ЧК. Практикантом калмыцкого языка с августа 1911 г. стал Александр Петрович Межуев (крещеный калмык), окончивший в 1909 г. Казанские миссионерские курсы. С сентября 1914 г. практикантом бурятского языка стал природный бурят Иосиф Иванович Шаракшинов, окончивший Иркутскую учительскую семинарию (1910), а затем и Казанские миссионерские курсы (1912-1914)³⁰.

С приходом Н.Ф.Катанова в академию многое в существовании миссионерского отделения изменилось. Возник журнал «Инородческое обозрение», резко увеличилось количество статей в «Православном собеседнике» по истории миссий и по этнографии, возник этнографический музей, вырос интерес студентов к миссионерскому отделению, увеличилось число кандидатских диссертаций, посвященных этнографической тематике. Приход Катанова почти совпал с принятием Устава 1910-1911 гг., позволившего значительно укрепить позиции миссионерского отделения. Это сказалось и на количестве желающих учиться на миссионерском отделении. Если в 1884-1885 гг. миссионерские предметы изучали 14 студентов³¹, в 1906-1907 гг. – 36 студентов (19 на татарском отделе и 17 – на монгольском)³², то в 1916-1917 учебном году на миссионерском отделении обучалось уже 70 человек.

В 1911 г. П.К. Жузе обращается в Совет Казанской духовной академии с просьбой «о разделении теперешней кафедры противомусульманской полемики и арабского языка» на две самостоятельные кафедры. Для рассмотрения данного предложения была образована комиссия из преподавателей миссионерского отделения, а также профессоров В.И. Протопопова и Е.Я. Полянского под председательством Машанова³³. Эта идея впервые была высказана еще в 1908 г. Тогда Машанов и Малов просили Совет Казанской духовной академии создать две самостоятельные кафедры – «догматического, нравственного и практического мусульманского

богословия» и «истории ислама, кораники, хадиса (мусульманского предания) и арабского языка». В 1910 г. миссионерский съезд, проходивший в Казани, также поддержал необходимость «улучшения в постановке дела на миссионерском отделении Казанской духовной академии»³⁴.

Указом Синода от 10 мая 1913 г., штат миссионерского отделения Казанской духовной академии был увеличен. Стипендии для студентов миссионерского отделения, ассигнования на командировки преподавателей и средства на издательскую деятельность в документе не были предусмотрены. В татарской группе была образована кафедра «арабского языка и обличения мухаммеданства», в которую вошли профессор М.А. Машанов, доцент М.Г. Иванов и сверхштатный практикант арабского языка П.К. Жузе³⁵.

Миссионерские предметы преподавались в академии вплоть до 1920 г., когда послереволюционные события стали причиной крушения всей системы духовного образования Казани; именно тогда была закрыта известная на всю Россию Казанская духовная академия.

Таким образом, в 1884 г., вследствие принятия нового устава духовных академий, были произведены большие перемены в академической жизни, в учебных программах и в составе самих академических наук в Казанской духовной академии. Ощутимые изменения произошли в статусе прежних миссионерских отделений и в системе преподавания миссионерских предметов. Указ 1884 г. восстановил миссионерские отделения, упраздненные уставом 1869 г., и Казанская духовная академия вновь получила уникальное отличие от других подобных учреждений. Миссионерские отделения получили возможность улучшить кадровые вопросы, усовершенствовать систему образования, усилить издательскую деятельность и др.

Положениями устава 1884 г. в большей степени удалось воспользоваться бывшему миссионерскому противомусульманскому отделению. Татарский отдел укрепился хорошими специалистами, которые смогли в кратчайшие сроки восстановить прежнее миссионерское противомусульманское отделение. Вновь была возвращена практика научных заграничных командировок, увеличено число студентов, открыты двухгодичные миссионерские курсы при академии, расширено научное сотрудничество преподавателей Казанской духовной академии с преподавателями других учебных заведений и др. Но принятый в 1910 г. новый устав духовных академий вновь преобразует бывшие миссионерские отделения Казанской духовной академии. Они снова теряют свою актуальность и значимость. Только благодаря высококлассным специалистам миссионерских предметов в лице М.А. Машанова, Н.Ф. Катанова, П.К. Жузе и других исследования

приобрели научную этнографическую направленность и миссионерские предметы преподавались вплоть до закрытия Казанской духовной академии в 1920 г.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Миссионерские отделения Казанской духовной академии (1854-1920)»), проект № 06-01-29104а/В/2006 (Г).

² НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7835. Л. 1.

³ Там же. – Л. 1об.

⁴ Там же. – Л. 13.

⁵ Терновский С.П. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870-1892 гг. – Казань, 1892. – С. 246.

⁶ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1142. Л. 3.

⁷ Терновский С.П. Указ. соч. – С. 252.

⁸ Терновский С.П. Указ. соч. – С. 424.

⁹ Казанская духовная академия. – Казань, б/г. – С. 810-811, 814; Устав и штат православных духовных академий 1884 г. – Казань, 1884. – С. 26.

¹⁰ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1891 г. – Казань, 1891. – С. 19, 33.

¹¹ Отчет о состоянии Императорской Казанской духовной академии за 1915-1916 учебный год. – Казань, 1916. – С. 55.

¹² НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7891. Лл. 1-1 об.

¹³ НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7891. Лл. 1 об. – 2.

¹⁴ Там же. – Л. 2.

¹⁵ Там же. – Лл. 2-2об.

¹⁶ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1890 г. – Казань, 1890. – С. 29-38.

¹⁷ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1890 г. – Казань, 1890. – С. 37-38.

¹⁸ Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1888-1889 учебный год. – Казань, 1889. – С. 31-39.

¹⁹ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1893 г. – С. 477-478.

²⁰ Терновский С.П. Указ. соч. – С. 252-253.

- ²¹ Памятная книжка Казанской духовной академии на 1902-1903 акад. год. – Казань, 1902. – С. 24.
- ²² Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1898 г. – Казань, 1898. – С. 197.
- ²³ Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1898-1899 учебный год. – Казань, 1899. – С. 24.
- ²⁴ Памятная книжка Казанской духовной академии на 1902-1903 акад. год. – Казань, 1902. – С. 25.
- ²⁵ Журавский А.В. Казанская духовная академия на переломе эпох. 1884-1921 гг.: Дис. ...канд. ист. наук. – М., 1999. – С. 71.
- ²⁶ Высочайше одобренные в 29 день июля 1911 года изменения в действующем уставе Духовных Академий // Приложения к протоколам Совета Казанской духовной академии за 1911 г. – Казань. 1911.
- ²⁷ Памятная книжка Императорской Казанской духовной академии. 1916-1917 акад. год. – Казань, 1916. – С. 27.
- ²⁸ Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1909-1910 учебный год. – Казань, 1910. – С. 23.
- ²⁹ Памятная книжка Казанской духовной академии за 1912-1913 учебный год. – Казань, 1913. – С. 30.
- ³⁰ Памятная книжка Казанской духовной академии за 1916-1917 учебный год. – Казань, 1916. – С. 34.
- ³¹ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1890 г. – Казань, 1911. – С. 169.
- ³² Годичный акт Казанской духовной академии 5 ноября 1885 г. – Казань, 1885. – С. 65.
- ³³ Там же. – Д. 11062. Л. 1; Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1911 г. – Казань, 1913. – С. 265-266.
- ³⁴ Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие. XIX в. – 20-е гг. XX в. – Казань, 1999. – С. 310.
- ³⁵ Там же. – С. 311-312.

Опубликовано:

Православный собеседник. – 2008. – Вып. 1(16). – С. 227–236.